

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
P82

Оформление серии *П. Петрова*

Рубина, Дина.

P82 При чем тут девочка? / Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-106441-9

Тема детства и юности в творчестве Дины Рубиной лишена ностальгической сентиментальности, наоборот — сопряжена с драмой и горечью. «Любой мало-мальски чувствующий человек подтвердит вам, что нет ничего печальнее счастливого детства. Разве что отрочество». Писатель никогда не включает в книги свои ранние опусы о детстве, многие из которых были опубликованы в «Юности». Переиздания удастаиваются лишь некоторые. В зрелом возрасте Дина Рубина редко обращается к этой теме в силу ее болезненности, у нее очень мало вещей, в которых действуют подростки. Тем интереснее этот сборник, в котором соединились произведения о детстве и юности разных периодов.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рубина Д., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-106441-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Нет ничего печальнее детства.
Разве что отрочество...*

Любой мало-мальски чувствующий человек подтвердит вам, что нет ничего печальнее счастливого детства. Разве что отрочество, когда душа уже требует к священной жертве, а ее никто не принимает в расчет: ни родители, ни учителя. И тогда пленный дух начинает, как говорила моя бабка, «выкидывать фортеля», ибо пленный этот дух знает настоящую цену истинным вещам — дружбе, любви, самоотверженности. Цена эта высока...

Я никогда не включаю в сборники рассказов первые свои опусы, опубликованные в журнале «Юность». Даже не потому, что они не представляют литературной ценности. Просто этот торжествующий щенячий

ДИНА РУБИНА

визг надо оставить там, на страницах моей подростковой самоуверенности и упоенности победой.

И только когда пришла ко мне первая неудача — несчастная, как и положено ей, юношеская любовь; когда в моих текстах появилась насмешка по отношению к себе и необходимая дистанция между авторским «я» и окружающим миром, — только тогда мои ранние рассказы и повести заслужили, на мой взгляд, читательское внимание...

Очень трудно писать о взрослеющей, беззащитной и в то же время жестокой человеческой душе. Я часто вспоминаю свои подростковые годы — ужасные, мучительные, — когда не имеет особого значения, благополучна ли твоя семья и любят ли тебя родители. Просто на тебя наваливается мир, и ты должен выстоять в одиночку. А мир — это ведь не только люди, это и бегущие облака, что летят в никуда прямо через твое сердце, и оперенные весной деревья, названий которых ты еще не знаешь, и впервые увиденный водопад, и смерть бабушки или деда, и расставание близких, и жестокая дворовая драка... Это явление густого потока жизни, который взрослые, любимые и оберегающие тебя люди уже не в силах для тебя отфиль-

ПРЕДИСЛОВИЕ

тровать, очистить так, чтоб остались лишь красота, любовь, смелость и справедливость. Это первые уроки противостояния личности — обществу.

Я так болезненно вспоминаю свое взросление, что очень редко обращаюсь на подростковые годы; у меня очень мало вещей, в которых действуют подростки. Но есть у меня один рассказ, «Посох Деда Мороза», в действие которого просто просился юный человек.

Дело было так: однажды мой старый друг режиссер Станислав Митин, посмеиваясь, рассказал историю своего давнего, еще в студенческие годы, выступления на Новый год в пионерлагере в роли Деда Мороза. Это была одна из тех забавных актерских баек, что легко рассказываются в застолье и так же быстро и легко забываются.

Но эта байка засела в голове, что-то в ней было: молодость моего друга, глубокий снег, густой лес, расстояние в двадцать лет, отделяющее нас от того времени... Все это само по себе вызывало ностальгическую грусть. Однако для написания рассказа явно не хватало того гвоздя, смыслового околышка, на котором обычно держится действие и внимание читателя... И в какой-то момент я поня-

ДИНА РУБИНА

ла, чего не хватает хорошей доброй истории: вот этого самого отчаянного противостояния миру, этой заветной мечты, ради которой пойдешь на все; юной безоглядной влюбленности и огромной неизвестной жизни, что расстилается перед тобой на трудном переходе из детства в юность. Так возникла рыженькая героиня-подросток рассказа «Посох Деда Мороза», и все сложилось: и снег, и юность, и новогодняя ночь...

И рассказ написался.

Дина Рубина

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА¹

*О*сенью парк пузырился желто-ржавыми кронами, а в одной своей части изумительно пламенел: там от края рябиновой аллеи сам собой образовался багряный рукав рябин, уж точно никем не запланированный. Место необычное, ведь рябиновая роща — довольно редкое в природе явление. Да и никакая не роща это, а просто рябиновый клин, алый от кровавых ягод.

С рябиновым клином у Сташека была связана тайна: та девочка. Эта картина двигалась, кружилась, мчалась потом всю его жизнь — то в непрошенных снах, то, наобо-

¹ Отрывок из романа Д. Рубиной «Наполеонов обоз». Книга I: «Рябиновый клин».

ДИНА РУБИНА

рот, в вымоленном у памяти воспоминании. Бегущая девочка возникала на закате дня: длинноногая, легкая, рыжая, в буре алых рябиновых брызг и солнечных пятен. Низкое солнце стояло за рощей, прошивая всю ее насквозь, весь тонконогий рябиновый клин, с его парящими в воздухе крапчато-огненными гроздьями ягод...

Она и возникла в глубине рябинового клина, та девочка; выбежала из него прямо на Сташека, не сбавив ходу ни на миг, и рыжие волосы летели за ее спиной каким-то отдельным живым течением. Подбежала, будто долго-долго мчалась именно к нему и вот домчалась, допрыгнула, конец пути. Дышала бурно и как-то радостно. От нее пахло одуряюще сладко, терпко, прелестно: кора и трава, нагретая, влажная от девчачьего пота кожа. Она раскрыла кулак, ткнула ему в лицо:

— Зырь!

В кулаке у нее извивалась змейка. Сташек отшатнулся: он ненавидел змей, не понимал, как можно не то что прикасаться к ним, а смотреть, наблюдать это тошнотворно-склизкое движение. Он отпрянул, и девчонка захохотала.

— Слабо! — выкрикнула торжествующе. Закатное солнце венчало ее растрепанную

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

шевелюру пылающим нимбом. — А я ни фигура не боюсь. Я могу ее даже слопать. Вот, гляди!

Схватила за хвост — змейка мучительно извивалась — и медленно, кося на мальчишку бешеным золотисто-пчелиным глазом, понесла ее ко рту. Тут Сташек чуть сознание не потерял. Повернулся и бросился прочь незнано куда, а за ним неся такой звонкий, заходящийся рыжий смех, что в ушах звенело.

Позорная для парня история...

Он не спал всю ночь, то ли от стыда, то ли... бог знает — от чего еще. Пропотел, как в болезни, когда мама, бывало, дважды за ночь меняла простыни. Но девочка (про себя Сташек назвал ее Огненная Пацанка) все выбегала и выбегала к нему из рябинового клина, раскрывала ладонь, в которой извивался змееныш, почему-то не причиняя пацанке никакого вреда.

Он выждал дня три, испепеляемый ночными сладкими кошмарами, извелся, представлял, как пацанка хохочет... Надо ли было наступить на это «слабо» и невозмутимо принять в ладонь скользкий жгут новорожденной змеи? Или отколотить насмешницу, чтобы запомнила на всю жизнь? Наконец против собственной воли пошел — странно! — ис-

ДИНА РУБИНА

коть ее среди пылающих рябин. Будто она могла там жить, будто принадлежала той алой россыпи ягод; будто была внучкой лешего и немедленно отозвалась бы, позови ее Сташек с края опушки... Разумеется, никого не встретил. Ветер тихо покачивал пунцовые грозди, перебирал ими, шелестел. Никого... даже отзвука ее издевательского смеха не донеслось...

Второй раз он увидел Огненную Пацанку из рябинового клина — ту самую, заклинательницу змей... — на дне рождения Зины Петренко. Увидев ее, чуть не выронил футляр с инструментом; сердце забилося в горле, в животе... даже в пятках! Он так испугался, что она опять исчезнет! Там же, в прихожей, потянув Зинку за рукав блескучей зеленой кофты, яростным шепотом заставил все выложить: как зовут, где живет, где учится...

Оказывается, девочки пели обе в группе сопрано, в хоре при желдорклубе. Знал он, конечно, и школу — двухэтажное здание бурого кирпича с мезонином, и улицу знал, где пацанка живет: улица Киселева, на ней бывшая дача Сенькова стоит. Она столько раз выбегала к нему из пламенеющего рябинового заката и во сне, и в измученном вооб-

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

ражении, что даже не верилось: неужели она живет на обычной улице и учится в обычной школе?

И звали пацанку совсем неподходящим ей благонравным именем Надежда.

Она и выглядела иначе, не по-лесному, не по-разбойному: волосы заплетены в толстую косу, да так изобретательно: мелкие косички начинались от висков (отчего ее горячие, золотисто-карие глаза, похожие на спинки пчел, слегка натягивались кверху) и струями вплетались в две другие косы, потолще, а те — уже вливались в пятую, главную пушистую косу, которая кренделем улеглась на затылке, сверкая рябиновым огнем под брызгами трофейной петренковской люстры. Вокруг белого выпуклого лба рыжие спиральки волос вились воздушной короной, а по бокам легкими кружевными бабочками сидели пестрые сине-зеленые заколки, явно рукодельные: будто и впрямь живые бабочки присели на подсолнух.

Сташек был ошеломлен, подавлен и даже обижен — ее ростом. Куда она рванула, думал он в отчаянии, это ж надо — двенадцать лет, а росту чуть не метр семьдесят, во дылда! Гости как раз рассаживались, и из прихожей видно было, какая она высокая —

даже когда сидит. По левую руку к ней по-дозрительно прижимался Кифарь — Леха Кифарев, длинный и красивый гад из его школы, хотя за столом и вправду было тесновато — ребята сидели, не особенно шевеля локтями. Тетя Клара, — она вечно изрекала какие-то мозолистые поговорки или строки из своих протухших романсов, — ходила вдоль стола, раздавая всем салфетки и повторяя как попугай: «В тесноте, да не в обиде!».

Из-за того, что Сташек немного опоздал и замешкался, выбирая надежное место — куда положить футляр с рожком, чтоб никто случайно не смахнул (уложил на полку буфета), ему достался низкий табурет на другом конце стола. Что было делать и как избежать позора: есть стоя? идти искать по дому нормальный стул? или так и сидеть, как карлик, высунув макушку над столом? Он никак не мог решить. Так и остался стоять с тарелкой в руке, якобы задумавшись — что из салатов выбрать. И когда Зина, именинница, попросила его передать Надежде кусок запеканки, он осторожно принял тарелку, благодарный Зине за эту мимолетную связь, протянул через стол Надежде... — в тот момент она что-то говорила Лехе; мочка уха, алая напросвет,

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

рдела бусинкой гранатовой серьги, как рябиновой ягодой... — и хрипло окликнул:

— Эй, дылда! Вот, бери...

Она удивленно обернулась, вдруг узнала его, вспыхнула — это было мгновение, которое потом они обсуждали не раз («А ты сразу узнала?» — «Да меня как паром окатило, ты что!» — «Нет, а я чуть не умер: ты запылала, как тогда в роще, ты ж не видишь себя, рыжие-то горят, и меня точно бревном зашибло...»).

В голове, в груди у него мигом раздулось солнце, он разом вырос и сверху глядел на пигмея Леху, на весь туманный, заставленный салатницами-тарелками-противнями с пирогами стол, на обочине которого пламенела красным золотом ее увитая косами голова.

Больше всего на свете ему захотелось сыграть для нее. Только для нее и сейчас же, немедленно! Он уже играл не только в составе оркестра, но и солировал в некоторых вещах, которые когда-то они с Верой Самойловной переписали за чайным столиком у Сулы в Ленинке и потом переложили для английского рожка. Когда Вера Самойловна показывала ему палочкой, он делал вдох, облизывал